

5 пороков «Маленьких трагедий» Пушкина

Поэты сами объединяют свои творения в циклы и дают им названия. С «Маленькими трагедиями» получилось иначе. Поскольку Пушкин никогда не издавал свои небольшие драматические пьесы вместе, он и не дал им общего названия. Оно появилось позже. Издатели взяли название из письма Пушкина Плетневу, в котором он сообщал, что привёз из Болдина «несколько драматических сцен или маленьких трагедий». Перечень и последовательность их расположения тоже были подсказаны самим Пушкиным. В бумагах поэта сохранился список, датируемый 1830 годом, в котором было пять наименований: **I.Октавы, II.Скупой, III.Сальери, IV.Д.Гуан, V.Plaque (Чума)**.

Сейчас эти пять произведений мы привычно называем «Маленькими трагедиями». Они имеют общую стилистическую форму – небольшие пьесы с минимумом действующих лиц и общий замысел – обличение человеческих пороков. Свою логику имеет и последовательность расположения пьес: каждая предыдущая содержит в себе мотивационный крючок, захватывающий следующее повествовательное звено.

1. Октавы или Сцена из Фауста

Октава – строфа из 8 стихов с рифмовкой abababcc. Гете написал октавами посвящение к «Фаусту».

Пушкинская Сцена разыгрывается на берегу моря и начинается словами Фауста: «Мне скучно, бес», на что тот отвечает:

Что делать, Фауст,
Таков вам положен придел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел,
Кто верит, кто утратил веру,
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зевает да живет –
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты...

Бес объясняет Фаусту: скука – это отдохновение души, запиши себе! Отдохновение от чего? - от мыслей, желаний, воспоминаний? Фаусту претит слушать это. Он гонит беса от себя. Но бес напоминает, что не может покинуть Фауста, пока тот не задаст ему задачу. В поле зрения Фауста попадает корабль. На нем, как говорит бес, мерзавцы (но кто для него

не мерзавец?), обезьяны, модная болезнь, шоколад и бочки золота. Фауст дает задание бесу утопить корабль. Просто так. От нечего делать.

Со скуки Фауст губит людей. Бес его подстрекает, но зло исходит именно от скучающего Фауста. Поэтому, скука – не отдохновение души, а прямой путь души к гибели.

2. Скупой рыцарь

Бочки золота! Добытое кровью и слезами золото бесполезно оседает на дне моря. Так же бесполезно стало оно для скупого рыцаря, когда его хватил удар. Всю жизнь копил он богатство в своих сундуках, да с собой на тот свет не заберешь его. Порок скупости обличает Пушкин в этой пьесе, которую завершает словами «Ужасный век, ужасные сердца».

3. Моцарт и Сальери

Но разве век виноват, разве чело-век не всегда такой? А ведь он создан по подобию божьему! Так почему же Бог одному дает талант, а другому нет? Где правда? «Нет правды на земле, но правды нет и выше», - произносит Сальери. Труженик композитор, положивший жизнь служению музыке, и близко не приблизился к легкомысленному гению Моцарта. Моцарт рождает волшебные созвучия, легко и просто, как дышит. Но почему не он, Сальери, получил этот божественный дар?

Первоначально название пьесы было «Зависть». Этот порок и описывает Пушкин, воспользовавшись слухом о том, что Сальери на смертном одре признался в отравлении Моцарта. Многие стали тогда упрекать поэта, зачем он поверил недостоверным сведениям и очернил Сальери. Пушкин в ответ напомнил известный факт: на премьере оперы «Дон Жуан» Сальери с шумом покинул зал, Пушкин сказал: «Завистник, который мог освидетельствовать «Дон Жуана», мог отравить его творца».

Оперу «Дон Жуан» Пушкин упоминает и в самом тексте «Моцарта и Сальери»: слепой скрипач играет арию из нее, а строчку из либретто поэт берет эпиграфом к своей следующей пьесе – «Каменный гость».

4. Каменный гость

Пушкин взял не только эпиграф, но и завязку самой пьесы. Вся предыстория появления Дон Гуана в Мадриде нам известна по опере Моцарта, а именно: некоторое время назад Дон Жуан, известный соблазнитель женщин, захотел встретиться с Доной Анной и тайно прокрался к ней в дом. «На сей раз Дон Жуана постигла неудача: Дона Анна подняла шум и удерживает пытавшегося бежать соблазнителя. Лицо Дон Жуана закрыто. Отец Доны

Анны – старый командор вызывает Дон Жуана на поединок и тут же падает, сраженный его шпагой» (либретто Л. Да Понте).

Пушкин оттолкнулся от этого эпизода и создал свою историю Дон Гуана. За дуэль с командором (здесь он муж, а не отец) король выслал его из Мадрида. Но Дон Гуану надоела ссылка, под покровом ночи он хочет вернуться в Мадрид. У Антоньева монастыря, недалеко от городских ворот, он вместе со слугой Лепорелло дожидается темноты. Оглядываясь вокруг, Дон Гуан узнает знакомые места. Здесь он впервые увидел Инезу (в опере – Церлина) и три месяца добивался ее любви, «насилу уломал, помог лукавый». Бывшая возлюбленная Дон Гуана – ревнивая Лаура (в опере – Эльвира) сообщает мужу Инезы о ее неверности. От возмездия ли мужа или от болезни, но вскоре Инеза умерла. Легким грустным ветерком коснулось воспоминание о ней Дон Гуана и указало направление его дальнейших походов: он наведается сейчас к Лауре.

В это время приходит монах и спрашивает Дон Гуана и Лепорелло, не люди ли они Доны Анны? «Нет, - отвечают они, - мы просто здесь гуляем». Дона Анна... Смутную надежду почувствовал Дон Гуан и задал монаху вопрос: «А кого ВЫ ждете?». Тот сказал: «Сейчас должна приехать Дона Анна на мужнину гробницу». «Как, - воскликнул Дон Гуан, - Дона Анна де Сольва! Супруга командора убитого...», и вспомнив об осторожности, закончил: «...не помню кем». Монах подсказал: «Бессовестным, безбожным Дон Гуаном». Но бояться его нечего, он в ссылке, а Дона Анна здесь воздвигла памятник мужу и каждый день приходит к нему молиться. Чтобы развеять окончательные подозрения, Дон Гуан спрашивает монаха: хороша ли Дона Анна? и добавляет: видеть ее не приходилось, ревнивец-муж никого к ней не подпускал.

Вскоре появляется Дона Анна, покрытая черным вдовьем покрывалом. Вот она, следующая жертва Дон Гуана. А теперь он спешит к Лауре. Застав у Лауры брата командора Дон Карлоса, Дон Гуан убивает его и проводит ночь со своей прежней возлюбленной. На рассвете он направляется туда, где вчера встретил Дону Анну. Некоторое время он наблюдает за ней издали, размышляя так:

Всё к лучшему: нечаянно убив
Дон Карлоса, отшельником смиренным
Я скрылся здесь — и вижу каждый день
Мою прелестную вдову.

Когда Дона Анна обратила внимание на Дон Гуана, он начал действовать. «Сегодня же пущусь с ней в разговоры», - решил он.

С чего начну? «Осмелюсь»... или нет:
«Сеньора»... ба! что в голову придёт,
То и скажу, без предуготовленья,
Импровизатором любовной песни...
Пора б уж ей приехать. Без неё —

Я думаю — скучает командор.

Кто скажет, что это мысли потерявшего голову влюбленного?! Нет, Дон Гуан начинает привычную игру. Сначала он говорит Доне Анне, что не хочет мешать ее молитве, а потом, когда она просит его молиться вместе с ней, притворно восклицает:

Да, как же я дерзну!
Я только издали с благоговеньем
Смотрю на вас, когда, склонившись тихо,
Вы чёрные волосы на мрамор бледный
Рассыплете — и мнится мне, что тайно
Гробницу эту ангел посетил.

«Черные волосы на мрамор бледный рассыплете», - сказано невероятно поэтично и странно для монаха. Дона Анна в растерянности. И голос, показалось, она уже где-то слышала.

– Мне показалось... я не поняла...
– Ах вижу я: вы всё, вы всё узнали!
– Что я узнала?
– Так! Я не монах...

Первое признание сделано: он не монах, а несчастная жертва безнадежной страсти. Дона Анна в недоумении спрашивает: «И что же вы хотите?». Дон Гуан отвечает: «Смерти!»

О пусть умру сейчас у ваших ног,
Пусть бедный прах мой здесь же похоронят...

Чтоб камня моего могли коснуться
Вы лёгкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этот гордый гроб
Пойдёте кудри наклонять и плакать.

Дона Анна

Вы не в своём уме!

Дон Гуан

Когда б я был безумец, я б хотел
В живых остаться, я б имел надежду
Любовью нежной тронуть ваше сердце...

Когда б я был безумец, я б не стал
Страдать в безмолвии...

Дона Анна

И так-то вы молчите?

Дон Гуан

Случай, Дона Анна, случай
Увлёк меня... Не то вы б никогда
Моей печальной тайны не узнали.

Дона Анна пытается защищаться: «Падите прочь, вы человек опасный, я слушать вас боюсь». Дон Гуан притворно отступает:

Я замолчу; лишь не гоните прочь...
Я ничего не требую, но видеть
Вас должен я, когда уже на жизнь я осуждён.

Дона Анна

Здесь не место
Таким речам, таким безумствам. Завтра
Ко мне придите. Если вы клянётесь
Хранить ко мне такое ж уваженье,
Я вас приму; но вечером, позднее...

Дон Гуан добился своего! Дона Анна назначила ему свидание! «Что, каменная статуя, видела? - радость переполняет сердце Дон Гуана, - Прошу прийти к твоей вдове, где завтра буду Я, и стать на стороже в дверях. Что, будешь?». Статуя кивает головой.

Вечером следующего дня Дон Гуан под вымышленным именем приходит к Доне Анне. Она встречает его словами:

Я приняла вас, Дон Диего; только
Боюсь, моя печальная беседа
Скучна вам будет: бедная вдова,
Все помню я свою потерю. Слезы
С улыбкою мешаю, как апрель.

«Слезы с улыбкою мешаю, как апрель», - удивительная Дона Анна, слушать бы вас и наслаждаться мыслью, что мы наедине, что нет рядом каменной статуи, - говорит Дон Гуан. Дона Анна улыбается: так вы ревнивы, даже мертвый муж вас мучит. Как я могу ревновать, - отзывается Дон Гуан, - вы сами его выбрали. Нет, - говорит Дона Анна, - мать

велела мне руку дать Дон Альвару, мы были бедны, он богат. И тут же торопливо добавляет: но верность Дон Альвару я сохраню. Дон Гуан изображает отчаянье:

Не мучьте сердца
Мне, Дона Анна, вечным поминаньем
Супруга. Полно вам меня казнить,
Хоть казнь я заслужил, быть может.

Сделан следующий ход. Любопытной Доне Анне хочется узнать: чем же? Дон Гуан, мысленно подмигнув себе: идёт к развязке дело, показывает, как тяжело дается ему признание:

- Скажите мне, несчастный Дон Гуан вам незнаком?
- Нет, отроду его я не видала.
- Вы в душе к нему питаете вражду?
- По долгу чести...
- Что, если б Дона Гуана вы встретили?
- Тогда бы я злодею кинжал вонзила в сердце.
- Дона Анна, где твой кинжал? вот грудь моя.
- Диего! Что вы?
- Я не Диего, я Гуан.
- О боже! нет, не может быть, не верю.

Дон Гуан уверен, что признание не повредит ему, ведь он уже покорило сердце Дону Анны. Какое-то время она поборется с собой, а дальше ничто не помешает им наслаждаться любовью, - так думал развратный Дон Гуан, выпрашивая у Дону Анны поцелуй.

Дона Анна

Какой ты неотвязчивый! на, вот он.
Что там за стук?.. о скройся, Дон Гуан.

Дон Гуан

Прощай же, до свиданья, друг мой милый.
(Уходит и вбегает опять.)
А!..

Дона Анна

Что с тобой? А!..

(Входит статуя командора. Дона Анна падает).

Статуя

Я на зов явился.

Дон Гуан

О боже! Дона Анна!

Статуя

Брось её,
Всё кончено. Дрожишь ты, Дон Гуан.

Дон Гуан

Я? нет. Я звал тебя и рад, что вижу.

Статуя

Дай руку.

Дон Гуан

Вот она... о, тяжело
Пожатье каменной его десницы!
Оставь меня, пусти — пусти мне руку...
Я гибну — кончено — о Дона Анна!

(Проваливаются).

Пушкин обличает здесь разврат. Заключительная ремарка: «Проваливаются» показывает его негативное отношение к этим персонажам. Если бы он сопереживал им, то оставил бы неподвижно лежать на сцене, выжимая из зрительских глаз слезу. Жена не сохранила верность погибшему мужу. «Вот он», поцелуй, говорит Дона Анна Дон Гуану, «вот она», рука, протянутая Дон Гуаном каменному гостю. Командор защитил супружескую честь и наказал разврат.

5. Пир во время чумы

Из поэтического образа Доны Анны, склоненной над мужниной гробницей, возникает последнее произведение этого цикла. Пушкин указывает, что оно взято из Вильсоновой

трагедии «Чумной город». Подобно Доне Анне кроткая и прекрасная Магдалена молится у алтаря, обращаясь к Богу:

Простри десницу к отверженной и одинокой,
что чаёт отдыха на небесах.

Спокойствие святое, мир глубокий,
торжественная бесконечность неба,
бесчисленные сонмы тихих звезд,
плывущий мир в сиянье,
славит дух мой.

Проходящие мимо собора женщины, видя Магдалену в белых одеждах у алтаря, слыша молитву, сравнивают ее с ангелом, спустившимся на землю. Через какое-то время к Магдалине подходит незнакомец и признается, что собирался ограбить и убить её, но, пораженный ее возвышенной красотой, отказался от своего намерения. Он говорит, что деньги, золото ему были нужны на развлечения и пиры, потому что он принадлежит к группе безбожных пьяниц и развратников, которые не перестают веселиться и совершать богопротивные поступки даже в такое страшное время. Вильсон описывает их «Пир во время чумы», который и перевел Пушкин, добавив свои смыслы.

Каменный гость приходит с того света, чтобы защитить супружескую честь. Магдалина сама останавливает убийцу и не дает совершиться греху. Дона Анна каждый день молится о погибшем муже. Вальсингам наоборот пытается забыть умершую жену и заклинает священника не напоминать о ней: мертвые не должны тревожить живых. Свою память он топчет в пьянстве и веселье. Для этого он собрал на пир людей, которые хотят забыться. От своего страха и бессилия они делают вид, что вокруг ничего не происходит.

Пьеса Пушкина начитается так: на улице стоит накрытый стол, за ним сидят несколько мужчин и женщин. Молодой человек, обращаясь к Вальсингаму, говорит о только что умершем сотрапезнике Джаксоне:

Почтенный председатель! я напомню
О человеке, очень нам знакомом,
О том, чьи шутки, повести смешные,
Ответы острые и замечанья,
Столь едкие в их важности забавной,
Застольную беседу оживляли
И разгоняли мрак, который ныне
Зараза, гостя наша, насылает
На самые блестящие умы.

Он предлагает выпить за Джаксона как за живого, громко обращаясь к нему, с веселым звоном рюмок. Только вчера Джаксон шутил, балагурил, отпускал замечания «столь едкие

в их важности забавной», а сегодня он в могиле. Почему важность забавная? Потому что смерть стоит рядом! Все рассуждения гроша ломанного не стоят. Председатель Вальсингам не поддерживает Молодого человека и говорит, что нужно соблюсти приличия: пить за покойника молча, не чокаясь.

Сам Вальсингам смерти не боится. Причина того, что он собрал этот пир и заправляет на нем, другая. Три недели назад от чумы умерла его мать. Священник видел, как он на коленях, рыдая, обнимал труп матери «и с воплем бился над ее могилой». Вслед за матерью болезнь отняла у Вальсингама жену Матильду. Этой потери он не перенес и впал в отчаяние. Его раздражают слова священника, который именем Матильды призывает его опомниться и прекратить безбожное пирувань.

Священник

Матильды чистый дух тебя зовет!

Председатель (встает)

Клянись же мне, с поднятой к небесам
Увядшей, бледною рукой — оставить
В гробу навек умолкнувшее имя!

Отчаяние Вальсингама – не от страха смерти, как у Молодого человека и других, а от потери любимых людей. Молодой человек предлагает забыться в пьянстве, ведь «много нас еще живых, и нам причины нет печалиться», а Вальсингам напротив просит Мери спеть печальную песню. Она затягивает простую пастушью историю о чумных временах в ее родной земле:

Было время, процветала
В мире наша сторона:
В воскресение бывала
Церковь божия полна;
Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,
И сверкали в светлом поле
Серп и быстрая коса.

Ныне церковь опустела;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрела;
Роща темная пуста;
И селенье, как жилище
Погорелое, стоит, —

Тихо все. Одно кладбище
Не пустеет, не молчит.

Поминутно мертвых носят,
И стенания живых
Боязливо бога просят
Упокоить души их!
Поминутно места надо,
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой!

Дальше говорилось о том, что если Дженни умрет, она никогда, даже на небесах, не покинет любимого Эдмонда. Пастух Эдмонд видимо сам сочинил эту песню и наделил любимую девушку неземной верностью.

Томной грустью отозвалась песня Мери в сердце Вальсингама. Влюбленная в него Луиза с ревностью заметила это: «вот расстоналась... ненавижу волос шотландских этих желтизну». Но вся ее показная страстность – тоже от страха смерти. Она упала в обморок при виде телеги с трупами. Вальсингам удивился ее обмороку, он думал, что она сильнее, небрежно сказал: «Брось, Мери, ей воды в лицо». Молодому человеку понятен испуг Луизы, он призывает ее: «Развеселись», и просит Вальсингама исполнить буйную застольную песню. Тот отвечает, что не знает такой, а лучше споет гимн Чуме, который он написал прошлой ночью.

Когда могущая Зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов, —
Навстречу ей трещат камины,
И весел зимний жар пиров.

Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой....
Что делать нам? и чем помочь?

Как от проказницы Зимы,
Запремся также от Чумы!
Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы

И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.

Вальсингам испытывает наслаждение от предельной опасности, он бросает вызов смерти. Ведь на земле не осталось дорогих ему людей. Его мироощущение превращает Пир во время чумы в Пир Чумы.

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто среди волненья
Их обретать и ведать мог.

Итак, — хвала тебе, Чума,
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье!
Бокалы пеним дружно мы
И девы-розы пьем дыханье, —
Быть может... полное Чумы!

Никому из пирующих не пришла в голову мысль обратиться за поддержкой к Богу. В своем бессильном страхе и отчаянье они отреклись от Бога. А отчаянье – это самый тяжкий грех, по мнению святителя Игнатия Брянчанинова, современника Пушкина, потому что он «отвергает всемогущество Господа, отвергает Его кровь и спасение Им дарованное, показывает, что в душе прежде господствовали самонадеянность и гордость, что вера и смирение были чужды ей».

Пришедший священник не может остановить разгул. Он говорит пирующим: вокруг стон и плачь, а здесь как будто бесы безбожника терзают. Но они, смеясь, отгоняют священника: «Он мастерски об аде говорит! Ступай, старик! ступай своей дорогой!»

Священник

Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда

Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души.
Ступайте по своим домам!

Председатель

Дома у нас печальны — юность любит радость.

Священник не теряет надежды и просит Вальсингама уйти с ним, но тот отказывается:

Не могу, не должен
Я за тобой идти: я здесь удержан
Отчаяньем, воспоминаньем страшным,
Сознанием беззаконья моего,
И ужасом той мертвой пустоты,
Которую в моем доме встречаю.

Священник оставляет его со словами: «Спаси тебя господь! Прости, мой сын», а Вальсингам погружается в глубокую задумчивость.

Отчаянье – грех, который обличает в этой пьесе Пушкин. В отчаянье человек теряет веру в Бога. У него не остается надежды на спасение, он чувствует себя бессильным и обманутым, ему хочется грешить больше и больше, потому что путь к свету закрыт...

Такое отчаянье испытывал и сам Пушкин в день своего 29-летия, когда писал: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?». Известен ответ митрополита Филарета на это стихотворение, симметричный по форме и ассиметричный по содержанию. Два года спустя Пушкин создал цикл «Маленьких трагедий».

Есть такой писательский прием: изложить на бумаге свои проблемы и освободиться от них. Возможно, именно таким способом Пушкин избавлялся от присущих ему, как он считал, пороков: скуки, скупости, зависти, разврата и отчаянья-безверия.